

КАЗАЧЬЯ НАДЕЖДА

(COSSACK'S HOPE)

No.5

1972

Собщается Казацъему Народу, а так-же и казачьим друзьям!
Давайте не забывать своих героев павших за нас в Австри городе
Лиенце и других местах, принасильной выдаче в 1945 года и этим
спасли оставшихся.

О погибших мы должны только молиться, а поэтому мы каждого
года должны посылать свою посильную лепту, для Панихиды и
других ея расходов.

Редакция "К.Н."

ПОД НОВЫЙ ГОД

Новый Год снова приходит,
Что-то может принеест,
Мысль моя в степи уводит
И родное вновь встает.
Ох, хотелось бы снова,
Побывать в родной СТРАНЕ:
Была жизнь наша сурова
И все кажется во сне.
Но, сейчас, друзья родные
Не отом-хочу сказать,
А, что степи дороги
У врага нужно отнять.
Браг он сильный и лукавый
Нас на части разделил,
А потом он всей оравой
По чьястям нас всех разбил.
Но мы все должны сплотиться
И на путь родной свой встать
И, тогда не повторится,
Что могли обманом взять,
Так станичники родные,
Нужно встать в свои ряды:
Мы прошли годы лихих
И всегда были одни.
Наше дело: быть всем вместе
И друг другу помогать,
Помнить о дедовской чести,
На своем всегда стоять.
Сновым ГОДОМ дороги
Все станичники, друзья!
Нам свои степи родные
Позабыть никак нельзя.
Так пойдем все вместе дружно
ЗА КАЗАЧИИ СВОИ НАРОД,
НАМ СПЛОТИТЬСЯ ТОЛЬКО НУЖНО
ЧТОБ НАЧАТЬ БЫ НОВЫЙ ГОД.
Австралия Ф.Ф.Сметанин.

КАЗАЧЬЯ НАДЕЖДА

№-5.

Декабрь 1972 года.

№-5.

Адрес редакция журнала

Все казачье руководство, сотрудников журнала "КАЗАЧЬЯ НАДЕЖДА", подписчиков, читателей и весь Казачий Народ суший как в эмиграции так и на родине, Станичного правления имен. полк. И.Ф. Фролова и редакция журнала "К.Н." поздравляет с великопраздничным праздником РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА и с НОВЫМ 1973 ГОДОМ и желает всем счастье, здоровье и торжественной встречи на нашей родине КАЗАКИИ!!!

Австралия Станичного правления и редакция "К.Н."

Заведующий казачьей библиотекой в Австралии, поздравляет Казачье руководство за Рубежом, весь Казачий Народ и в своей КАЗАКИИ, а также и всех друзей и приятелей Казачьего Народа, с праздниками РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА и НОВЫМ ГОДОМ 1973, с пожеланием здоровья, счастья и долголетия.

Австралия Зав библиотекой Ф.Сметанин.

15 декабря 1971 года вышел в свет №1-й журнал "КАЗАЧЬЯ НАДЕЖДА" На обложке этого журнала, горнист на коне, который так ясно и отчетливо трубит, зов на борьбу за свободу, за право, за счастье, за жизнь казака!

Пусть и в дальнейшем трубит и пробуждает сердца и чувства тем казакам которые еще не проснулись и в своей спячке еще надеются поживиться крошками падающими с барского стола. Это нисколько не смущает вольного казака-чку. За вольным казаком - правда и право. Правда бывает только одна и она всегда побеждает.

Значит, дело вольного казака-ку восторжествует. Восторжествует и весь КАЗАЧИЙ НАРОД, пройдя через горнилы исторических переживаний, обретут национальное лицо.

Верю, что на наших степях и горах возродится КАЗАЧЬЯ ДЕРЖАВА, НАША РОДИНА - КАЗАКИЯ!, верю в наши силы и в моральную помощь КУЛЬТУРНОГО МИРА.

От всей души приветствую редакцию журнала "КАЗАЧЬЯ НАДЕЖДА", поздравляю с годовичным юбилеем и желаю "К.Н." дальнейшего расцвета и к 2-х годовичному юбилею еще больших достижений.

Австралия

Юрский.

Казачий Национальный Округ Северо-Западной Германии в г.Ганно-
вере, Округ поздравляет общеказачью станицу имени полк.М.Ф.Фролова и
редакцию "Казачья Надежда" в Австралии, всех Казаков, Казачек с их се-
мьями в порабощенной стране Казаккии и разбросанных во Всём Мире с
Высокопраздничным Праздником Рождества Христова и Новым 1973-м
Годом. Округ желает вам всем эти дни встретит и провести в Братской
семье. Округ желает вам всем хорошего здоровья, благополучия в Вашей
жизни. Округ шлет Вам всем сердечный КАЗАЧИЙ ПРИВЕТ!..

1972 года. Окружной Атаман. П.Д. Чипликов.
Ганновер, Зап. Германия. Помощник Атамана. Т.З. Лозин.
Писарь Округа... И.В. Буянов.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПОКРОВА.

15 октября 1972 года, Общеказачья станица имени полк. М.Ф. Фролова в
Австралии ст. Мерис, совершила празднование ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРО-
ДИЦЫ, с общей братской трапезой, в доме Ф.Сметанина в 10 часов утра
началась служить Литургия, после литургии был отслужен Молебен за
казачье руководство и весь Казачий Народ, также была отслужена Па-
нихида за всех погибших Протопресвитером о.Г.Кернусом, при пении хора
под управлением матушки, при молении много горела свечей как возле
образов и на подсвечнике, возле образов горела ломада и стоял комна-
тный КУПОЛ, сбоку икон стояли 2 флага, Австралийский и Казаккии. Перед
началом молебна о.Протопресвитер сказал прочувственное слово, посвя-
щённое празднику и означении Казачьего Народа, что и вызвало у неко-
торых слезы.

После моления, общими силами быстро расставили столы и стулья и
накрыли столы яствами и напитками, кто что принес с собой, всего было
много, какую и благословил о.Протопресвитер. После этого, ст.Ф.Сметанин
попросил всех встать и почтить память минутным молчанием отшедших
от нас в другой и вечный мир, после этого Ф.Сметанин пояснил значение
Праздника Покрова Пресвятой Богородицы и его значение для Казачьего
Народа, а также в дальнейшем собираться всем дружнее.

Икона ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ при молении была вся обложена
ЖИВЫМИ ЦВЕТАМИ и стояла среди комнаты, сзади стоял подсвечник сгор-
евшими свечами.

На этом торжестве присутствовали Казаки, Казачки и Казачата, Австра-
лийцы со своими детьми. С другой области, Мельбурна за 600 миль приле-
тел на это Казачье торжество на самолете А.И.Версай, были и в каза-
чех формах как в донской и кубанской, но Ф.Сметанин всегда на каза-
чьем торжествах бывает в Донской форме.

Трапеза прошла в дружном и весёлом настроении, играл на аккордионе
Ф.Сметанина сын, исполнялись под музыку танцы и песни, веселье продо-
лжалось до 10 часов вечера, все остались довольными но особенно Авс-
тралийцы, после веселья все раз'ехались по домам по благодарив Свя-
щенника с матушкой и хозяев дома, а также друг друга.

Австралия

Станичное правление.

ИДИ ВПЕРЕД!

Так будет ныне, как и прежде,

Иди вперёд, пусть день темнеет, Свои сомненья прогони,

Пусть все вокруг против тебя, Быть может, что твои надежды,

Но с каждым часом враг слабеет, Вернее праздной болтовни.

Против него пошла судьба.

Иди один вперед без страха,

С судьбой никто не может спорить, Борьба дается не легко,

Ее купить нельзя никак,

Пусть не страшат: ни казнь, ни ^{аха} плз

Билос эхом дальним вторит,

но оставайся К А З А К О М.

Как падали кумиры в прах.

Франция

М.И.Гаврилов.

В Е Р А.

Наша вера нас спасет,
Нам дарует Волю,
К торжеству нас приведет
На родимом поле.

Больше-ж веры, казаки!
Все под стяг Свободы!
Воля-счастье впереди
Целого народа.

С верой выйдем мы на путь -
За свободу в битвы...

Нас потомки помянут
Кабала народа.

И готов он лечь костями
На родимом поле,
Лишь была би впереди
Детям его Воля.

И.Томаревский.

ДЕКАБРЬ.

Оттого, что сгущаются сумерки грозно,
В душу входит неслышно печаль,
Оттого, что вперед угадать невозможно,
Нам до боли прошедшее жаль.

В нашей жизни порою тоскливо и скучно
И в заботах проходят все дни,
Выплывают виденья преднами безвучно,
Воскрешая былые мечты.

Оттого, что длиннее становятся ночи,
Проклинаем мы злую судьбу,
Что у нас не хватает терпенья и силы,
Продолжать дальше нашу борьбу.

Может быть, что приходит пора увяданья,
Цикл событий должны мы понять,
Что в сей жизни нам выпали только страданья
И другого не можем искать.

Оттого, что на сердце тоска и тревога
Мысль и тело сжимает мороз,
Не поэтому ли, принеся избавленье,
Вэто время родился Христос.

Не поэтому ли, принеся избавленье,
На Кресте Он за нас был распят,
Чтобы мы победив, до конца, все сомненья
Все за счастье боролись опять.

Франция М.И.Гаврилов.
ЧЕРНЫЙ ВСАДНИК.

Над ширью, зеленью покрытой,
Привольной вольницы степей,
Седой вольною рек изрытых,
Встал Черный Всадник из цепей.

Орлиным оком степь обводит -
Казакии грани сторожит:
С морей какой корабль подходит,
Куда недругам путь лежит.

Границу севера обводит
И взором пьет пустой простор -
Чума голодная там бродит,
Коммуны тлеющий костер...

И не страшится пули меткой,
Расправив гибкий тонкий стан,
В руке значек сжимает крепко
Степной могучий великан.

Не бронь-кольчугу Всадник Черный
Одел в защиту от врагов,
Идеей предков озаренный
Оружье взял седых веков...

Папаху голову венчает,
Черкеска влита - бронь его,
Кинжал и шашка украшают
Под буркой воина сего.

Бушует в нем рассудок хладный
И долг священный мозг сверлит -
Приблизить Воли час страданий,
Народ Казачий воскресить...

Завет под знамя КАЗАКИИ,
Зовет за РОДИНУ ВОССТАТЬ,
Зовет противиться стихии,
Зовет ОТЧИЗНЕ ЖИЗНЬ ОТДАТЬ.

.....
.....

Над Диким-Подем - Казакией,
Расправив бурку в ураган,
Витает витязь наш стихийный,
Казак-Идея, великан.

Я.Ковган.

РАСПРАВА С УРАЛЬСКИМИ КАЗАКАМИ В 1874-1883 ГОДАХ.

"В семьдесят четвертое лето,
Настало у нас житие нелепо,
По нашему согрешенью,
А по Божьему попущенью.
Начали нас власти понуждать:
А мы, казаки, стали о себе размышлять...
Как нам, казакам, жить,
Антихристовы прелести избыть!
Ох, увы и горе, горе.
Сокрушают нашу волю!..".

/Песня Уральских казаков в 19-20 ст.ст./.

Приказом по Военному Ведомству за №112 от 9-го марта 1874 года было утверждено новое "Положение о воинской повинности в Уральском Казачьем Войске и отправлении службы", соответственно чему было определено, что в Уральском Казачьем Войске впредь полагалось иметь девять конных полков шестисотенного состава, из числа коих в мирное время должны были находиться на службе три полка. Сверх того Уральское Казачье Войско обязывалось выставлять на действительную/постоянную/службу дополнительно: Лейб-гвардии Уральский казачий эскадрон и I-ю учебную Уральскую казачью сотню /в г. Уральске/.

Уральские казаки обсудив новое Положение, начали устраивать совещания и сходки, где открытым образом выявляли свое недовольство новыми мероприятиями русского правительства, стремившегося уничтожить последние остатки казачьей самостоятельности, еще сохранявшейся в Уральском Казачьем Войске, не в пример остальным Казачьим Войскам.

Казаки обсуждая новое "Положение", опасались, что русское правительство отнимет у них р. Урал и переселит к ним российских крестьян, которым будет отдана полностью их Бойсковая земля и луга. "Кровью мы приобрели Урал/Яик/и нашу землю, кровью и продадим их", утверждали Уральские казаки, отказываясь подчиняться велениям русского правительства. В тоже самое время комендант города Уральска разослал по всем станицам и форпостным школам буквари, причем молитвы, помещенные в букварях, были напечатаны на русском языке и сопровождались соответствующими объяснительными текстами в духе православной церкви, равно, как и различные изображения крестного знамени. На первой странице букваря был изображен четырех-конечный крест с сиянием в пресечении, который Уральские казаки называли "латинским крыжем". Казаки возмущенные рассылкой подобного букваря, решили, что комендант города Уральска оказывает на них давление, стремясь заставить их молиться троеперстно и предлагает им поклоняться четвероконечному/православному/, вместо поклонения осьмиконечному кресту "истовому"/старообрядческому-раскольничьему/. Начинаясь волнения в среде Уральских казаков начинали принимать грозный оборот, ибо казачки требовали категорическим образом от своих мужей и сыновей, чтобы они не подчинялись велениям русского правительства, усовещая их: "...лучше пострадайте мученической смертью, а не губите своих душенок!". Казачки грозили казакам муками ада в случае принятия нового Положения, и сулили вечное блаженство в обратном случае. Среди казаков распространялись слухи, что всех детей отберут и увезут от родителей, взрослых казачьих девушек отправят на кораблях в Англию, всех военнотружущих казаков в оденут солдатскую одежду и всем Уральским казакам насильно обреют бороды.

"Главная мысль, которую руководствуется Военное Министерство в пред-

положениях о преобразовании в Казацких Войсках, состоит именно в том, чтобы объединить сколь возможно казачье сословие с другим, совместно с ним обитающим населением, под одним общим гражданским управлением, сохранив отдельность в военном устройстве казаков, в собственном хозяйстве Войсковом и военной администрации", писал Военный Министр ген. Д. А. Милютин, представляя императору Александру 2 отчета по Военному Министерству за 1868 год. С поразительной точностью все мысли Военного Министра ген. Милютина были выражены в вновь изданном Положении для Уральского Казачьего Войска. Учитывая вольнолюбивый дух Уральских казаков, неоднократно выступавших с оружием в руках против русской имперской власти, русское правительство решило "приручить" казаков постепенным образом к "регулярному порядку". Так в 1870 году к Уральскому Казачьему Войску был впервые применен дисциплинарный устав, наряду с остальными Казацкими Войсками. В 1874 году русское правительство вводя новое Положение в Уральском Казачьем Войске, не решилось однако ввести тогда-же широкие ограничения в экономическом отношении, боясь возмущения со стороны казаков. В итоге и впредь, Уральском Казачьем Войске, в казачьей экономической области, продолжал быть Войсковой хозяйственный Съезд, причем в распоряжения последнего, не имели никакого права вмешиваться, ни Войсковой Наказный Атаман, ни вообще Войсковая администрация. Ограничившись "малым посягательством" на свободное казачье землепользование и Войсковое рыболовство, русское правительство сосредоточило главный удар на реформе воинской повинности для Уральских казаков, однако не рискнув уничтожить древний обычай "наемки" казаков на военную службу.

Приказ императора Александра 2 - "...ни одного казака в Наказные Атаманы не представлять, и казаков Атаманами не назначать!!!", проводился в Уральском Казачьем Войске с холодной расчетливостью и поразительной методичностью - стоит взглянуть лишь на список Войсковых Наказных Атаманов, назначавшихся русским правительством в Уральское Казачье Войско: полк. В. О. Покотилло/1830-1838 г.г./, полк. М. Л. Кожевников/1838-1845 г.г./, ген. м. К. Л. Геке/1845-1857 г.г./, ген. м. А. Д. Столыпин/1857-1862 г.г./, ген. м. В. Д. Дандевилль/1862-1864 г.г./, ген. м. М. Н. Толстой/1864-1865 г.г./, ген. м. Романовский/1865-1866 г.г./, ген. м. Н. А. Веревкин/1866-1876 г.г./, ген. лейт. князь Г. С. Голицын/1876-1885 г.г./, ген. м. Н. Н. Шишов/1885-1893 г.г./, ген. лейт. К. К. Максимович/1893-1899 г.г./, ген. лейт. К. Н. Ставровский/1899 г./ и др.

Не желая подчиняться произволу бюрократического Петербурга, Уральские казаки защищая свою вольность, стремились облечь право владения р. Уралом в юридическую форму! Говорили казаки и о т. н. "владенной грамоте" царя Михаила Федоровича, признававшего за Яицкими/Уральскими/ казаками право на владение р. Яиком/Уралом/ и его территорией. Незвизрая на существовавшее предание о том, что эта грамота сгорела во время пожара Яицкого городка в 18 столетии, казаки-старики утверждали, что она "владенная грамота" на право владения казаками р. Яиком/Урал/, была спасена диаконом Михайло-Архангельского Собора в городе Уральске во время пожара и зарыта им в землю в чугунном ящике.

В июле 1874 года, и. д. Войскового Наказного Атамана Уральского Казачьего Войска ген. м. Визанов сообщил Командующему войсками Оренбургского Военного Округа, что к нему явились казаки Вотов и Кирпичников, назвавшиеся выборными от Уральского Казачьего Войска, которые подали ему записку от имени Уральских казаков, требовавших: 1/Отменить учебные сборы, 2/упразднить учебную сотню, 3/отменить воспрещение казакам поступать на действительную службу, прямо по зачислении в строевой состав, 4/не обязывать всех казаков полевого разряда иметь на льготе строевых лошадей и все необходимое на службе вооружение и

снаряжение, 5/не разделяя казаков на полки, оставить их в прежнем составе, а полковых и сотенных командиров назначать при командировании на службу полков и сотен.

И.д.Войскового Наказного Атамана ген.м.Бизянов отказавшись признать казаков Ботова и Кирпичникова уполномоченными от Уральского Казачьего Войска, заявил им, что никаких допущений в изменение нового Положения о казачьей воинской повинности, не может быть допущено, добавляя при том, что он дает им известный срок на размышление, с тем, чтобы по окончании последнего, казаки Ботов и Кирпичников явились к нему с просьбой об уничтожении ими поданной на его имя докладной записки. Внушение сделанное ген.Бизяновым, однако не оказало должного воздействия, ибо с окончанием поставленного срока, казаки Ботов и Кирпичников вновь явились к ген.Бизянову и заявили, что остаются при прежнем мнении. Возмущенный ген.Бизянов приказал арестовать их и отправить под конвоем в город Оренбург.

В виду того, что большая часть Уральских казаков, принимавших участие в поданном заявлении, находилась в станицах Красной, Кругло-Озерной, Трекинской и Чеганской, Оренбургский военный генерал-губернатор командировал с целью разъяснения Уральским казакам о невозможности изменений в изданном уже Положении - ген.Бизянова в станицы Кругло-Озерную и Чаганскую, полк.Мартынова, члена Совещательного Комитета при Главном Управлении иррегулярных войск - в станицу Красную, полк. Темникова в станицу Трекинскую. Казаки однако не поддались на увещания посланных казачьих старшин, и продолжали стоять на сохранении всех старых порядков, существовавших в Уральском Казачьем Войске до введения нового Положения.

Шесть казачьих станиц ближайших к городу Уральску, отказались категорическим образом производить выборы депутатов на Войсковой Хозяйственный Съезд, долженствовавший функционировать согласно нового Положения об общественном и хозяйственном управлении Уральского Казачьего Войска. Более того, когда начальство потребовало письменное обязательство от казаков в том, что они принимают новое Положение, последние резко отказались подчиниться требованиям начальства! Репрессии со стороны последнего не замедлили последовать, ибо уже 7-го сентября 1874 года в город Уральск прибыл 1-й Оренбургский линейный батальон и штаб-офицер, назначенный для производства следствия. Вслед за ними в город Уральск прибыл ген.м.Зверев, начальник Штаба Оренбургского Военного Округа и наконец сам ген.Крыжановский, Оренбургский военный генерал-губернатор. В результате последовавших арестов, всего были арестованы 28 казаков, с преданием последних Военному суду при обвинении "за упорство и подстрекательство других казаков в неповиновении властям". Военный суд приговорил из их числа всего одиннадцать казаков к ссылке на каторжные работы, а остальных 17 казаков отправил на принудительное поселение в Сибири, что и было оформлено властями в день 17-го сентября 1874 года.

Особняком было выделено дело казака Якова Гузинова из Бударинского форпоста, Калмыковского Отдела. Гузинов обвинялся в том, что отказавшись от принятия нового Положения, использовал полностью силу своего нравственного влияния раскольничьего духовника, в частности устранял всех Уральских казаков подчинившихся новому Положению - от участия в общей молитве с ним/Гузиновым/. Более того, последний выступая в роли раскольничьего духовника, отказывал этим казакам в разрешительной молитве на первой неделе великого поста и внушал, что казаки принимающие новое Положение, принимают тем самым антихриста. Влиянием Гузинова на казаков имело очевидные последствия, ибо из всего Бударинского форпо-

ста, лишь один казак Раставин подчинился введению нового Положения.

По решению Военного суда казачий раскольниковый духовник Яков Гузин был отправлен в город Оренбург, где был бит "кошками" на эшафоте и далее выслан в Сибирь.

Опасаясь вооруженного восстания со стороны Уральских казаков, Оренбургский военный генерал-губернатор Крыжановский ввел новые русские пехотные батальоны из состава Оренбургского гарнизона в пределы Уральского Казачьего Войска, причем солдаты эти были размещены на постой в городе Уральске и казачьих станицах, на квартирах наиболее виновных казаков. Сверх отмеченного, Уральские казаки были обязаны русской властью нести все расходы по содержанию регулярных войск вообще, как и по найму помещений для арестованных казаков, по довольствию их пищей и т.п.

Возмущенные Уральские казаки решили искать защиты у самого царя, сообразно чему выбрали уполномоченными от всего Уральского Казачьего Войска — станицы Кругло-Озерной казака Федора Стягова и казака Евстрата Гузинова из Царево-Никольского форпоста, которые должны были добраться лично в Петербург и представиться царю, и передать последнему в руки прошение с протестом против введения нового Положения в Уральском Казачьем Войске. Действительно, казаки Стягов и Гузин сумели пробраться из города Уральска в Крым, в царскую летнюю резиденцию в Ливадии и подать прошение царю об отмене нового Положения в Уральском Казачьем Войске. Однако, царь не принял прошения и направил последнее, к Оренбургскому военному генералу-губернатору. Казаки Стягов и Гузин были арестованы царскими жандарами и отправлены под вооруженным конвоем из Крыма обратно в город Уральск, где были переданы Военному суду, действовавшему при особо учрежденной т.н. Временной Комиссии. Многие из Уральских казаков, которые стремились увидеть в тюрьме арестованных уполномоченных от Уральского Казачьего Войска, были арестованы также в количестве 50 человек, и в ноябре 1874 года были высланы с Войсковой территории и отправлены по этапу на принудительное поселение в Сибирь.

В январе 1875 года Военный суд существовавший при особо учрежденной т.н. Временной Комиссии в городе Уральске, опубликовал следующее официальное постановление: "Отставных казаков... Кругло-Озерной станицы Федора Стягова и Царево-Никольского форпоста Евстафия Гузинова, как оказавшихся в числе главных деятелей по возбуждению в Уральском Казачьем Войске неповиновения властям, при введении в действие утвержденного 9 марта 1874 года Положения о казачьей воинской повинности и общественном Войсковом Хозяйственном Управлении, позволивших себе распространять ложные слухи и нелепые рассказы о правах казаков Уральского Казачьего Войска, по лишении всех прав состояния, сослать в каторжную работу и на заводах, на восемь лет каждого, с приведением над ними в исполнение обрядности по силе 1040 статьи 25 уст. военн. судебного". Постановление означенного Военного суда в отношении Уральских казаков Федора Стягова и Евстафия Гузинова, было утверждено Оренбургским военным генералом-губернатором Крыжановским от 28 января 1875 года, после чего казаки Стягов и Гузин были доставлены под конвоем в город Оренбург, где они были биты "кошками" на эшафоте, после чего последовало отправление их на каторжные работы в Сибирь.

/Продолжение следует/ Западная Германия. А.К.Ленинов.

Единственная большая страна, основанная без гражданской войны или революции — АВСТРАЛИЯ? Осуждать легче, чем обсуждать.

Что такое страхование жизни? Дорого стоящая услуга, которая держит вас в бедности для того, чтобы вы не могли умереть богатым.

В Н О Ч И.

/Продолжение с. жур. № 4./

Замолчал со вздохом старик, ища глазами среди мужчин рода того, кто бы ему мог ответить - "нет, не пойдет наш род в пришельцы!". Но молчали все. Только громче шипели трубки в зубах, чаще выпускались клубы табачного дыма. - Ну, как думаете мужи? - обратился старик к собранию - согласны со мною?

Из группы стоявших мужчин вышел вперед молодой наездник Шара-Манджи и держал реч:

-Отцы и братья!.."Небо богато, а человек счастлив"-говорится у нас. Я думаю рано нам идти на поклон к чужому нойону. Не падайте духом, братья. Что мы обеднели - это правда, но мы сами здоровы и есть у нас кони ездовые. "Была бы голова золотая, а кожа и мясо нарастут"-говорит пословица. Неужели мы, сотня здоровых мужчин, допустим разброд и распадение нашего славного рода? Нет! Этого не будет. Будут у нас и табуны и гурты, только нужно решиться. У нас нет законного главы. Это плохо, хотя не совсем. Все люди рождаются от отца и матери, и после смерти у всех одинаково белеют кости... Был я два года у казаков, с Истваном Аразиным в походе. У них есть такой обычай: Никто по рождению не нойон, все люди за равных почитаются, а старших выбирают сами, кого считают достойным. Если этот старший не так поступает, то его общим мнением смещают и выбирают другого. По моему, этот обычай хороший.... Я знаю, как нам добыть скот и табуны, где их добыть, я поведу вас и приведу, если только мои братья и отцы согласны уйти отсюда далеко на запад, в казачьи степи, чтобы выбирать нам самим главу и жить по казачьи....

-Согласны мы все!! - закричало сразу много голосов.

-Так будь ты у нас вместо нойона: тебя твои братья и отцы выбирают. Бывала и у нас в старину, когда за неимением природных нойонов правили народом богатыри, лучшие мужи из народа... Как старейший в роде, я тебя благословляю - обратился к Шара-Манджи не отнекивался. Как должное он принял выбор и решительным голосом ответил:

-Благодарю. Постараюсь хорошо послужить множеству и вывести нашу кость из бедноты. Как только вызреют травы и затвердеют калканы у коней, дождемся темных ночей и выедем. Готовьтесь все. Останутся только старики и ребята. Острите сабли и пики, выдерживайте коней и приказа ждите.

Воспрянул духом Зед-Кевюдов род. Вера, что люди опять будут богаты и не разбредется ядро старого рода, вселила в души бодрость. Лихой наездник Шара-Манджи стал у них вождем. "Хоть и не белой он кости, но славный будет богатырь, недаром его любил казачий богатырь великий - Истван Аразин и над тьмою калмыков старшим ставил"-говорили старики.

---000---

Проходил май. Окрепли кони на зрелых травах. Старшина рода Зед-Кевюдов пощупал, однажды, своему вороному калкан и привязал его арканом за кол. Его примеру молчаливо последовали и все мужчины кости, обязанные выехать в поход. Пятьдесят сытых и прекрасных коней, там и сям вокруг хотона, стали на приколах.

давали этим коням воды по малу: шипали они траву только вокруг кола на аркане. С каждым днем уменьшался корм на площади этого круга. Через неделю, на гладко выщипанных кругах, стояли подобранные брюхо, но бодрые кони, с горящими глазами, готовые в поход, в дальний путь....

В счастливый день, в день сныи последнего весеннего месяца, Шара-Манджи дал приказ по Зед-Кевюдову роду. Захлопотали хозяйки, готовые мужьям чистое белье, дорожные харчи, завозились мужчины с седлами.

Не успела опуститься ночь и умолкнуть хотон, а пятьдесят отборных молодцов в полной готовности съезжались уже к кибитке старшего. Одетый в короткий черный бешмет, туго подтянутый в талии черным ремнем, с гладко причесанной непокрытой головой, рослый и стройный, стоя перед образами, молился Богу Шара-Манджи:

- Да благословит нас Саксун-бурхан, да исполнится нами задуманное во имя доли множества людей, да исчезнут грехи, совершенные нами сознательно или несознательно. Светлый Дух - хранитель и хозяин земли - Цаган-Алга-поможет нам, да будет он опорой нам, если спотыкнемся, и крыльями, если взмахнем руками - шептал он, путая слова молитвы с собственной импровизацией.

Кончив молиться, трижды земно поклонившись и прикоснувшись головой к образу Бога-воина, он обернулся и отрывисто сказал:

- Все пришли?.. садитесь мужи, а ты/обращаясь к девушке-сестре/налей деду раки, пусть благословит нам путь. Раки всем не хватит. Сложившись кумысом, с трудом накурили бабы. Бедны мы. Вернемся с удачей - загуляе^м.

Почтительно выслушав длинное и витиеватое благопожелание старика, под походную песню трех молодых выпив по глотку раки из чаши круговой, вышли мужчины, посадились на коней и погрузились в ночную тьму.

---000---

Добрые кони, в первую же ночь, умчали отряд на много десятков верст по степной пустыне. К утру, когда начало светать и закудрякивали вдаль журавли, в глубокой балке остановились отряд. Когда стреноженные кони жадно захрустели сочной росистой травой и выслан был на гору наблюдатель, Шара-Манджи созвал к себе товарищей, чтобы посвятить их в план набега.

- Я слышал, были среди вас разговоры - то на татар закубанских идти, то на Куму к ногайцам. Ваша мысль была непраильная. Татарские и ногайские животные также пострадали в минувшую зиму. Обеднели они также, как и мы. Второе - мы собираемся всей нашей костью перебраться на правый берег Иджилы, в казачьи степи податься. Значит, соседями с татарами и ногаями будем. Если угоним у них много скота, борьба долгая начнется, мести надо будет ждать. Я веду вас туда, где хасаки и теркмюды живут. В зарослях Арала-моря, или спустившись на юг по Сыр-Дарье, сохранили они своих животных в целости. Но поход сюда опасен. Хорошо, если нападём на теркмюдский/туркменский/хотон, народ этот мягкий, а если придется нападать на хасаков/киргизов/, то придется лить кровь. Эти даром не дадутся...

Не умел и не любил Шара-Манджи долго и много говорить. Краткими фразами всегда спешил он изложить свою мысль, не заботясь о красоте слога, что так любят его собратья. Утирая рукавом бешмета вспотевший лоб, зажатием большого и указательного пальцев звучно сморкнувшись, он продолжал: - Мы идем не только для себя, но и для всего нашего рода, добыча будет поровну разделена на всю кость. Надо нам захватить большую группу разного скота, разных возрастов. Будем медленно идти. Будет след. Надо так провести, чтобы за нами не могло быть преследований. Отряд наш небольшой. С боем угнать добычу не удастся... Мы найдем хотон, ночью тихо окружим, каждую семью захватим по кибиткам, весь хотон без шума и быстро сотрем без следа, чтобы наутро проезжие думали, что укочевал хотон. Всех животных погоним. Запомнили?... - Запомнили мы. - Ну, отдыхайте. Усталые быстрой ездой и бессонные люди повалились на разостланные потники и под свежее дыхание весеннего утра заснули крепким сном. Фыркали и хрустели травой стреноженные кони по балке, а на горе, как суслик чуть высунув голову из высокой травы, зорко озирался во все стороны наблюдатель. /Продолжение следует/

Санжа Балыков.

СЫНЫ КАЗАКИИ.

Я долго живу на чужбине,
Но помню родное своё,
Мне степи донские до ныне
Мерщутся ночью и днем.

Я тихий свой Дон вспоминаю,
В степи серебристый ковыль,
Поним я все время страдаю,
Стремясь воскресит нашу быль.

Мы жили богато и вольно
И только своим лишь трудом
И слушат нам сказки доволно,
Что это давалось царем.

Ничто, просто так, не дается,
Мы кровью платили своей
И кровь до сих пор еще льётся
И давит нас враг всё сильнее.

Мы вольной сыны КАЗАКИИ,
Мы помним заветы дедов,
За наши мы степи родные
ПРОЛИЛИ НЕ РАЗ СВОЮ КРОВЬ.

Австралия Ф.Ф.Сметанин.

К У Б А Н И.

Наш милый Край, Кубань родная,
Отчизна Вольных Казаков,
Прими поклон Ты, дорогая
От нас — за честь твою бойцов!

Прими и выслушай, седая,
Как тут живут твои сыны,
В изгнаныи тяжком изнивая,
Вдали от милой стороны.

Мы разлетелися, как птицы
И нет на свете уголка,
Где б вольной не было станицы
И где не встретишь казака.

Наш хлеб не сладок — батракуем,
Порою в шахтах уголь бьем,
За деньги часто джигитуем,
Сквозь слезы песни мы поем.

Но бодрость духа не теряем
/На то ведь мы и казаки/,
В душе казачьей сохраняем
Все, чем гордились старики.

Мы высоко подняли знамя,
На нем — "Казакия иль смерть!"
Мы с ним пойдём, не дрогнув, в пламя,
Лишь с ним готовы умереть!

Санжа Балыков.

О РОДИНЕ.

Настанёт ли время, ударит ли час,
В отчизну свою возвратиться,
И сколько счастливых, останется нас —
Святыням родным помолиться?

И сердцем усталым и скорбным прилечь
К земле сырой и холодной,
И в сердце нести не губительный меч,
А мира порыв благородный.

Поля вы родные, лужайки, леса
Примите меня в свое лоно,
Пригрейте вы лаской меня, небеса
Омойте вы, волнами Дона.

С казачьей верой, и с новой душой
Я стану и другом и братом,
И буду любовью любить огневой
И биться за Вас с супостатом.

Что выстрадал там, на чужбине вдали
В душе взойдет сумрачным цветом,
Но ради страданья к родимой земле,
Душа позабудет об этом.

М.С.

Т Ы И Я.

Голубеет вечер, тишина вокруг
О далеких встречах вспоминаю я,
Да, всё это было и уплыло вдруг,
Я искал родное, но наверно зря.
Да, всё это было, но ушло, как дым,
Ты теперь богата, не поймешь меня
Да зачем хвалится нам своим
былим,

Нам такая доля судьбою дана.
Чтожь, живи богато, каждому своё,
Каждому награда за своё житьё,
Мне же нет пощады, я ищу все то,
Что, пройдя сквозь годы, ушло в небы-
тьё.

Франция М.И.Гаврилов.

Хіба на те я в світ родився
Щоб тільки плакав та стогнав?
Щоб з лихом всюду волочився,
Утіхи й крихотку не мав?

Хіба на те я в світ родився
Щоб долю тільки все шукав?
Щоб старцем з малку волочився
Про щастя нищечком гадав?

Хіба на те й казак я з малу,
Щоб волю зроду не видав?

Віддав Кубань я на поталу,
Та в чужинину змандрував?

Таке життя у білїм світі
Бодай і ворогу не мать,
Тоді вже краще не в сім світі,
А в тім як другі спочивать!

Г.Шевель.

ВЗЯТИЕ КОРНИЛО ЯКОВЛЕВЫМ СТЕПАНА РАЗИНА.

/Отрывок из труда/ /Продолжение с. жур. №4/

Обладая необычайной физической силой, презирая всякую боль, богатый во ли, Разин Степан, принужден был лечиться от полученных под Симбирском ран почти всю зиму, и только в конце ее мог переехать с немногими верными ему казаками на Дон - в Кагальницкий городок. Но пока он воевал, пока лечился Корнило со старшиною в его отсутствии устраивал ему на Дону гибель.

Страшную, непростительную ошибку совершил Разин, что уходя вторично на Волгу, оставил в покое на Дону этого московского прихвостя, Корнилу Яковлева, на атаманском посту. Имея тогда достаточную силу, он легко мог бы сменить его и провести кого либо из верных казаков на это место. Степан этого не сделал. Корнило Яковлев был крестным отцом и Разин, как видно, из за этих близких отношений, был милостив с ним. Насколько был предусмотрителен Разин, закрепляя за собой тыл в роенно-стратегическом отношении, взятием Астрахани, настолько же повинен в том, что на фронте политико-идеологическом, если так можно выразиться, оставил Яковлева атаманом. В тылу у себя, среди донцов, он оставил с целой сворой старшин одного из заклятых врагов независимости Дона.

Корнило Яковлев, хотя и атаман, но по своим убеждениям был ублюдок Москвы. Честь атамана Дона его не удовлетворяла. Он хотел стать пасынком Москвы. И в отсутствии Разина всячески настраивал казаков против него, часто слал вести в Москву. Убеждал казаков, со слезами на глазах, покаяться в каких то грехах перед царем. Тайно освободил и отпустил товарища Евдокимова в Москву. Отправил туда посольство в количестве 12 человек под начальством Ивана Аверкиева. Это посольство, несмотря на уверения в преданности царю, сослали в Холмогоры. Пустил в ход К. Яковле против Разина и издревле жившее в казаках убеждение, что они - особый народ и что Стенька не за их интересы идет, а за чужие - за интересы русских мужиков. Указывал, что это не наше, казачье, дело.

Цель была достигнута - казаки были основательно восстановлены против Разина. Так что, когда он в феврале 1671 года захотел войти в Черкасск, его туда не пустили. У Степана же силы теперь были недостаточны, чтобы взять Черкасск и разделаться должным образом с К. Яковлевым. Последний же, хотя и склонил казаков на свою сторону, но доверять им не мог после того Круга, где он так распинался за Москву, слезно упрасывая казаков "покаяться и отложить свою дурость", выбрать станицу и поручить ей выпросить милость у царя, на что казаки тогда ответили ему: "Зачем посылать в Москву? Али захотел в воду?" Эту угрозу быть посаженным "в куль да в воду" Кор. Яковлев забыть не мог и теперь, воспользовавшись удобным случаем, строчит в Москву о том, что якобы Стенька делал нападение на Черкасск, что он проводит варварские казни, но что он, Корнило, не имеет достаточно сил, чтобы справиться с вором-разбойником Стенькой, а посему просит царя прислать в помощь ему воинскую силу.

Это был первый случай в жизни Дона, когда для улажения собственных дел, атаман со старшиною, просят к себе московские войска. Всяре быстро ухватились за это. "Немедленно послали на Дон Корниле Яковлеву приказание чинить промысел над Стенькою Разиним и доставить его в Москву на расправу, а белгородскому воеводе, князю Ромадановскому велено отправить на Дон стольника Косогова с тысячью человек выборных рейтар и драгун" /Костомаров, стр. 243/.

Корнило Яковлев торжествовал - ему это войско необходимо было не столько для взятия Разина, у которого уже не было сил, сколько для того, чтобы этим войском, совместно с своими единомышленниками, скорее, легче и основательнее "успокоить" умы вольных казаков и подчинить Дон Москве.

Кор.Яковлев был первый Иуда-предатель в среде казачьего народа, первым разрушителем его не писаного закона - "С Дона выдачи нет". Он достаточно поработал над тем, чтобы независимость Дона бросить к стопам Москвы. У казаков-националистов имя этого человека может вызвать только чувство презрения, а у русских империалистов и у новорожденных младороссов-казачков только благодарность.

В первой половине апреля 1671 года он пошел со своими сторонниками к Кагальнику, где был в это время Степан Разин и, после переговоров, происходивших еще до появления Косогова на Дону, взял его. Разин, сидя в хорошо укрепленном Кагальнике, не защищался. Он еще до этого понял, что карта его бита. Понял что многое из того, что происходит теперь, его вина. Он погубил свой основной отряд из донских и яицких казаков при походе на персидские берега и по Каспийскому морю, где не в меру долго задержался в неудачно выбранных болезненных местах. Он повинен и в том, что оставил главой на Дону этого прихвостня Москвы, предателя Казачества - Яковлева. Виноват он был и в том, что, отправляя так много своих воззваний в глубь Московского царства, он почти ничего не делал, чтобы об-яснить, вбить в головы рядовых донцов причины, заставившие идти на Москву, не говоря им открыто о конечной цели похода. Понял все это Степан и без боя сдался.

Кор.Яковлев, в своей борьбе с Разиным был хитрее. Он даже вспомнил, что казаки - не русские люди и хорошо сыграл на этом чувстве. Сознание Разиным проигрыша, желание своей смертью хотя отчасти облегчить, быть может, участь так дорогого Дона, заставляет его пойти на соглашение и отдать себя в руки атамана Корнилы Яковлева.

Этот момент мирных переговоров и сдачи Степана Разина своему крестному отцу - Яковлеву удивительно метко схвачен Кавроцким. Когда Корнило начал выражать свою радость, что Степан "одумался", этот говорит:

"Одумался!" Ты думаешь, что я
Пришел сюда с повинной головою
И стану кланяться, как баба, да просить,
Чтобы меня стегать полегче стали?
Ошибся, старый! Не в чем мне виниться"...

И в этот даже момент своего бессилия Разин держит себя как начальник с подчиненным. Он не просит, не унижается, а приказывает Корниле:

"Бери меня! и выдай головою
Как жертву, нужную Московскому царю!
Отдай меня, но с них за то сдери
И денег, и оружия для Войска,
Предай меня! Я казни не боюсь,
Я жду ее и к ней давно готов!"

Затем, в последний раз обращаясь к Корниле и ко всем казакам, бывшим при том он высказывает всю свою сокровенную мысль перед ними, все то, что так мучит его, все те причины, которые толкнули его в поход на Москву, все, чего он так боялся для Дона впереди и им завещает теперь узнать, поразмыслить и потом, быть может, вспомнить добрым словом своего атамана, Степана Разина. Громко, от четливо он говорит, смотря на будущее Казачества так:

"Поверь старик! С моею головою
Падет и вольность войска твоего.
Орел московский смотрит зорким оком
И добирается давно до казаков.../и т.д./

---ooOoo---

СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ РАЗИН

Прежде чем приступить к рассказу о Степане Разине и о возглавляш-
емся им в свое время движении через Волгу на Каспий вдоль берегов
Персидского царства, а затем на Москву, я должен предупредить, что ста-
влю себе задачей говорить только о нем, не касаясь деятельности и
имен "молодых" атаманов сплошь и рядом действовавших самостоятельно
под флагом движения Разина. Не желаю связывать с его именем и посту-
пков тех из них, кто был непосредственно подчинен ему, но был в таком
отдалении, что Разин не мог оказывать на них руководящего влияния.

В данном случае они меня не интересуют: я хочу ознакомить читателя
только с Разиным Степаном, только с его личностью, только с его идеей
движения, как ее рисуют историки и как она представляется мне. Я его
отделяю от других на тех же основаниях, на каких, например, в совреме-
нную нам эпоху отделяется деятельность ген. Деникина от "залихватских"
по ступков Май-Маевского, или иных вояк-вождей его типа.

Нельзя, даже при теперешних средствах сношения и передвижения, вали^ь
огульно на голову ген. Деникина вину за все "проделки" того или иного
"молодшего" воителя. Также точно мне хочется отделить личность Разина
от Васек, Ларек, Ивашек и прочих и говорить только о нем. Кроме того, я
должен оговориться, что даю только краткий очерк движения второй по-
ловины ХУІІв, возглавлявшегося Степаном Разиным и мой личный взгляд,
как казака, на эту крупную историческую фигуру, на цель и смысл его
движения.

Степан Разин!... Грозный Атаман!... Кто из казаков или русских людей
, кто даже из образованных иностранцев не знает этого имени, хотя бы
по песням о нем? А там, на Волге, где так много мест носит имя того,
кто так смело "тряхнул" тогдашней Москвой? Там до сих пор народ в св-
оих песнях поет хвалу тому, кто когда-то вел их предков на страшный,
смертный бой, кто как орел сизокрылый с грозным клекотом, сверкая гл,
азами, пролетел над персидскими берегами Каспия, кто как могучий "наш
славный атаман" всполошил все Поволжье снизу почти до верху, - от аст-
раханских стен до крепости Казани, от Оки - реки до верховья Донца,
от Черкаска до Яицкого войска земли.

Разин - это тот, читая про которого, знакомясь с которым по песням,
даже лютый противник казачества, не может скрыть чувства восхищения
перед могучей, не знавшей страха фигурой, перед этим большим, грозным,
волевым, необычайной энергии человеком - казаком. Виня его во многом,
даже противник дивится - что за мощь была заложена в нем, что за нев-
едомая сила так тянула к нему русский и нерусский угнетенный народ.
276 года минуло с тех пор, как на лобном месте в Москве скатилась го-
лова одного из славных атаманов-донцов. Столько же лет прошло и после
того, как Москва, свалив этого гиганта воли, наложила свою тяжелую дань
на вольную волюшку казачью. Вот про этого-то атамана, про жизнь и его
дела я и хочу немного поговорить с казаками. Быть может для многих из
нас, рядовых казаков, как для людей, наименее могущих пользоваться биб-
лиотеками, будет небезинтересно узать о Разине что больше того, что
дают нам песни, несущие славу ему до сих пор по лицу, почти, всего зем-
ного шара. Ведь там, где два-три казака, можно слышат их напевы про
Стеньку на Волге, про бурю, про удадь молодецкую, про то, как "с плеч ка-
зачьих, плеч могучих покатила голова". Но, прежде чем говорить, что
либо о нем, прежде чем раскрывать перед читателем картину его движе-
ния, которое так встряхнуло уже и тогда довольно могучее Московское
царство, я считаю нелишним сказать несколько слов о состоянии народа
на Руси до и во время царствования Алексея Михайловича, немного о боя-

рах, церковнослужителях и монастырях, о порядках того времени в судах: кратко — о состоянии Донского Казачества и его взаимоотношениях с Москвой, без чего невозможно уяснить себе причин, побудивших Разина выступить против Москвы: трудно осознать сокровенную цель, ради которой он пошел на Москву, где смело сложил свою буйную голову под ударом палача.

Надо, хоть до некоторой степени, ознакомиться и с причинами, так часто происходивших тогда пожаров и частичных разорений крестьянами боярских владений, с причинами бегства крестьян от помещиков, бояр и дворян — в леса. Ведь от добра не бегут? Кроме того, я хочу уяснить причины частых в царствовании Алексея Михайловича бунтов и, наконец, — почему крестьянослужилые и городовые люди, с одной стороны: черемисы, мордва, татары и башкиры, с другой, почему они так широко откликнулись на зов чуждого им человека, гражданина другого государства, донского казака, Разина Степана? ... Почему они примкнули к его отряду казаков, признали его своим вождем, шли за ним на бой и, погибая, пели ему хвалебные песни? ...

По Уложению Алексея Михайловича закрепленные крестьяне становились, в полном смысле слова, рабами, а "дети, рожденные уже в рабском состоянии, делались также собственностью господина" /Костомаров/.

Этим было положено начало тому вековому ужасу, позорному, бессмысленному и упорному самодержавному убийству народной души русского крестьянства — акту, именуемому крепостным правом. Этим огромной социальной важности актом, Уложением, как бы завершился в царствование Алексея Михайловича весь безграничный произвол финансовый и бюрократический. Бояре и дворяне добились полного отрицания за мужиком права личности и собственности, а купечество добилось наложения тяжелых пошлин на промыслы и занятия торгующих крестьян и удаления таковых из посадов.

Таким образом, с благословения "Тишайшего" царя, в руки знати, администрации, бояр и пр. дана была полная власть над жизнью принадлежащих им людей, с которыми они могли расправляться как только их душе было угодно. Если Уложение и не давало владельцам право продажи крестьян без земли, то и не наказывало за это. Они довольно быстро нашли пути, благодаря которым могли безнаказанно продавать своих крестьян без земли, оптом и в розницу: мужа продавать отдельно от жены, отца или мать отдельно от детей. Продадут с землей, без земли и "со всеми их крестьянскими животами" т.е. имуществом, поступая точно так, как поступают при купле и продаже на ярмарках рогатого скота, лошадей или овец.

Неприятное чувство выносится при чтении книг, дающих нам как бы живую картину из жизни и поведения бояр, дворян и пр. владетельных лиц в своих имениях. Бояре, пресмыкающиеся на коленях перед царем, считающие за милость побои кнутом или батоном, здесь, в своих имениях, среди своих крестьян становятся сами "царями", только необычайно безжалостными. Здесь они как бы забывают все заповеди Христа о любви и творят с крестьянами такое, что едва ли можно придумать нечто худшее.

Ничто и нигде на Руси не ограждало крепостного человека от издевательств своего господина: по Уложению "крестьянин, как холоп был предан произволу владельца. Мы не знаем никаких обеспечений, которые бы ограждали как того, так и другого от этого произвола" — говорит Костомаров.

В мою задачу не входит рассмотрение разницы между крестьянином и холопом, поэтому я в дальнейшем буду пользоваться термином "крестьянин". Тем более и по определению историка Костомарова, "как тот, так и другой был предан произволу владельца".

"Крестьяне обязаны слушать господ своих во всем" ... "По утру рано, до и после обеда, в вечеру поздно и во вся дни живота своего" он обязан

был думать только о довольстве и счастье своего господина. А этот последний имел "право" пороть, продавать, покупать, менять их на собак и даже убивать, "дворянин, убивший крестьянина, особенно собственного, редко отвечает" /К-в/.

Если господин, в пылу своего гнева, так расходится, что вместо своего убьет чужого крестьянина, то дело будет идти не об ответственности за убийство, а о замене убитого живым. Хозяин убитого имеет право выбрать лучшего из крестьян убийцы. При этом часто брали главу большой семьи, не спрашивая ни согласия, ни желания жертв. Все это происходило так просто, что как будто сосед не человека убил, а быка, за которого, "как бы имел право" взять... другую такую же скотину" - /Костомаров/.

Какой ни будь "православный" рабовладелец не видит, на пример, необходимости кормить своих холопов. Те кричат, от дуваются и с порожним брюхом несут свое ярмо, пока есть силы. Правда, в таких случаях, они могли обращаться за помощью к закону. Но составители Уложения, вырабатывая это "право" крестьянина жаловаться на своего господина и не только жаловаться, но даже требовать свободы, вероятно, хватались за бока от злого смеха. Ведь поступить так подневольный мог только при единственном условии, если "жалоба его сказывалась справедливою". А справедливость эта признавалась только в том случае, "если господин сознавался в том, и, напротив, одного отрицательного слова было достаточно, чтобы жалобу отвергнуть". Необходимо знать, что ни при каких тяжбах с господами крестьянин не имел права выставить свидетелей. Слов владельца было достаточно. По одному слову владельца суд мог подвергнуть крестьянина пытке без всякого следствия - виновен он или нет. Раз хозяин говорит виновен, значит это так. Кроме того сплошь и рядом можно было видеть тогда, как крестьянин нечаянно порят за то, что их господин в чем-то про штрафился. Лежат они, их бьют, а за что?... Ну да это и не их дело - господам с горы виднее.

Дворянину надо явиться на обязательную царскую службу, а его нет. Что делать? Выход простой - брали его крестьян и держали в тюрьме до тех пор, пока их "владыка" не явится перед очи государя. Или, например, два соседа помещика не поделили что-то: заспорили. Спор выливается в потасовку. Только дерутся не помещики, а их крестьяне: хозяева выпускают своих людей друг против друга, и эти, быть может, родственники, в угоду своим господам бьют, грабят друг друга, жгут, разоряют и без того несчастные хатенки. А все потому, что господа не поладили.

Благодаря уложению Алексея Михайловича, владельцы в своих имениях превратились в каких-то местных царьков. Здесь господин мог безнаказанно посмеяться над телом, душой и сердцем девушки крестьянки и отдать ее затем замку за кого хотел... Здесь трудно все описать, трудно передать целый "склад" издевательств. Крестьяне были доведены до такого состояния, что по зову господина он скидал штаны с себя и ложился на брюхо: двое садились ему на голову, двое на ноги и били прутьями иногда до того, что у него расседалась кожа" /Костомаров/.

Вероятно, владельцы были убеждены, что едва ли без этой порки крестьянин сумеет понять - как надо "любить ближнего своего, как самого себя".

Этих нескольких штрихов достаточно, чтобы иметь некоторое представление о жизни крестьян крепостных. Но были еще крестьяне черносошные, властелинские, дворцовые. Эти не были крепостными, но участью своей тоже едва ли могли похвалиться.

Ко всему двуногому существу с "клеймом" - крестьянин, присваивалось единственное право - обязанность. Повернулся ли налево, повернулся ли направо, вошел ли в избу, поехал ли в поле, в лес, в город, всюду - обяза-

анность. Что бы он ни делал и где бы ни был, везде его встречает повинность. Они платили: царскую дань, полонянничьи деньги/выкуп пленных/, четвертые, пищальные, возили к селитрянным заводам дрова или золу, или, взамен этого, платили ямчужные, давали людей при постройке городов, ставили ямщиков для перевозки бесплатно чиновных лиц, доставляли целовальников к тюрьмам и к различным казенным делам и кормили их: они же должны доставлять сами хлеб на довольствие стрельцов: их мастера строили дома владельцам: для занятий в Приказной избе давали деньги на покупку бумаги, чернил: давали из своей среды людей на войну и содержали их.

Кроме того, боясь, что они захватят постепенно рынок в свои руки, крупные купцы при помощи бояр с'умели на все их промыслы и занятия наложить очень крупные пошлины, чтобы этим не дать им возможности развернуться.

Но стоит только таким "свободным" торгошам или ремесленникам что-либо не исполнить, в чем-либо провиниться, как и они ложились под плеть и батоги.

Там, у рабовладельцев, всегда тянули к ответу крепостного, независимо от того - он ли виноват или его господин. Здес-же, у "свободных", провинившийся получал жестокую порку, а должное исполняло село. Если же село не исполняло, то порка возобновлялась до тех пор, пока не привезут должного.

Как крепостные, так и остальные крестьяне, будучи обремененными бесчисленным количеством повинностей на государя, государство и помещиков-бояр, не имели возможности обеспечить себя даже настолько, чтобы хоть кушать по человечески. Вся его пища "всегда состояла из каши, репы, капусты, огурцов, луку и чесноку. Изредка перепадало ему соленой рыбки - больше с душиком". Мясо же было особой роскошью для них, и они позволяли себе лакомиться им не чаще, как только по большим праздникам.

И все таки, несмотря на это, некоторые русские цари, живя в городе среди сорока сороков церквей, очень беспокоились, как бы их подданные не соблазнились в постный день скоромной пищей. Один из бояр на такое старание царя о соблюдении постов вполне резонно указывал ему, говоря: "вся работная Русь и так постится исправно".

Не отстадал и этих заботах о соблюдении постов и набожный Алексей Михайлович, на что в день ссоры патриарх Никон ему и писал: "Ты всем проповедуешь поститься, а теперь и неведомо - кто не постится ради скудости хлебной: во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего... Везде плачь и сокрушение"/Ключевский/.

В то время, как крепостные были обременены массой повинностей, бояре и дворяне получали почести, земли е бесплатными, бесправными и бесгласными рабочими - человекообразным скотом, а их чуть ли ни единственная обязанность состояла в обязательном несении ратной повинности, которую они не всегда исправно выполняли.

Говоря о положении высшего класса населения, нельзя не сказать что-либо о воеводах, посылаемых для управления отдельными областями государства.

Этот разряд воевод был введен на Руси во второй половине XVI века. По основной мысли этого учреждения замечает профессор Ключевский - воевода был настоящий правитель области, представитель государственного порядка, а не кормилец/как это было раньше с так называемыми наместниками и волостителями, представлявшими систему кормления. А.Т./, ведали дела не за себя, как последние, а за царя".

При Алексее Михайловиче уже установился порядок назначения воевод на трехлетний срок и дело это было передано в особый приказ/министе-

рство/, который и ведал им. По оститься прежде всего о пользе государя и своего отечества. Такова была мысль создателя этого учреждения, но посмотрим - как оно происходило в жизни.

Зная, что воевода в своем районе - "царь и бог", что эти места очень прибыльны, где обедневший служилый человек или разорившийся боярин мог поднажиться и учитывая большое число охотников стать на воеводство, главари этого приказа устраивали просто торг - кто больше даст, тот и воеводой будет. Ни ум, ни заслуги, ни почет, ни пригодность к данному делу, ничто не принимали во внимание, кроме интересов собственного кармана. Если ты хочешь отправиться на место, где можно поживиться добром, разбогатеть, так "не подмажешь - не поедешь", как бы рассуждали заправили приказа. И охотники до незаконной наживы "мазали" и ехали драть шкуру с людей. Несмотря на то, что взятки были запрещены и строго караемы, их давали и брали. Находили, как всегда это бывает, такие пути, что обе стороны всегда могли выйти сухими из воды.

Да чего, собственно, было бояться, если и правительство хорошо знало - зачем едет человек на воеводство. Ведь и в челобитной за имя царя такой боярин или дворянин откровенно указывал - прошу отпустить покормиться". И правительство, зная все, что творят воеводы и на местах, пропускало такие заявления и, как бы, благословляло воеводу на самоуправство.

Боярин же, добившись теплого местечка на три года, все свои химические способности прилагали к тому, чтобы вернуть все расходы по этому делу и собрать запас на будущее. Поэтому, ставши "царьком" в данной области, со всей жадностью боярской натуры "брал широкой рукой" и, как истинный гражданин и "защитник" интересов своего государства, высасывал из крестьян и всех подвластных ему людей деньги, пот и кровь, душу и жизнь.

Зная, что здесь "своя рука владыка", он шел на всякие беззакония, не боясь ответа. Закон, суд, ответственность, как бы, не существовали для воевод. Они, озлобляя народ своим поведением, всегда были правы перед царем. О том, как и почему это происходило, я, чтобы не быть голословным, обращусь к русским историкам и к их указанию на свидетельства современников. Пусть они скажут свое слово о том - как легко все это обходилось и как человек, совершающий преступление, избавлялся от наказания.

Профессор Ключевский говорит: "Наказания за лихоимство в суде, сливавшиеся особою суровостью, немного имели успеха. Взятки... не истреблялись, хитрецы придумывали способ обходить закон: челобитчик входил к судье и привешивал подарки к образам, будто на свечи".

Катошихин/гл. VII. Стр. 28/, рисуя нравственный облик судей, повествует о них: "...наказания не страшатся, от прелести очей своих и мысли содержать не могут, и руки свои ко взятию скоро допущают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице, черех жену или дочь, или через сына и брата, не ставят того себе во взятке посулы, будто про то и не ведают". Иностранец Флетчер/1589г./, отъезжаясь о "царьках" в своих владениях и судах до Алексея Михайловича, говорит: "Областные правители чужды народу по своим интересам и не пользуются ни его доверием, ни любовью. Являясь ежегодно в области свежими и голодными, они мучат и обижают народ без всякой совести, стараясь собрать в свое управление столько, чтобы по окончании срока, отдавая отчет, можно было, не обижая себя, поделиться с управляющим чети, который, в надежде на то, смотрел сквозь пальцы на действия наместника. За это народ ненавидит наместников, видя, что они поставлены над ним не столько для того, чтобы оказывать ему правосудие, сколько затем, чтобы угнетать его и снимать с него

шерсть не один раз в год, как владелец с своей овцы, а стричь и обрывать его в продолжении всего года"/Ключевский/.

"Эти известия, как подтверждает историк Ключевский, не позволяют считать преувеличенными отзывы иностранцев XVII века о продажности суда в Московском государстве, о том, что судьи открыто торговали своими приговорами, что не было преступления, которое не могло бы при помощи денег ускользнуть от наказания"/Ключевский. Сказ иностр. о Моск. гос. стр. 157/.

Воеводы были неограниченные "властелины" в своих владениях и ни правосудие, ни честь, ни совесть для них не существуют. Брать, хапать, рвать, стричь, пороть, издеваться над народом и возможно плотнее наполнять свои карманы — было целью их жизни и стремлений.

Вопрос о службе царю, о соблюдении интересов государства, они, как бы, отбрасывали в сорный ящик: чувство жадного лихоимства довело над всем. Историк Костомаров отзывается о них иначе, как о грабителях: "Судьи — говорит он — находясь в руках этих грабителей, до крайности были продажны".

Далее Костомаров/стр. 93/ говорит следующее о том, как сами судьи относились к данной им клятве — судить по совести: "хотя сидевшие в приказах и целовали крест с жестоким проклинательством и обещали судить по правде, не дружить с сильными и друзьями, не брать поминков, но ни во что та вера и заклинательство, и наказания не страшатся и руки свои ко взяткам спускают".

Все эти порядки удивляли, поражали, возмущали, и в то же время, ставили в недоумение иностранцев, посещавших Московское государство. "Удивительно — говорит один из них — как люди могут выносить такой порядок и как правительство, будучи христианским, может быть им довольным?" /Костомаров/.

Повсюду царил произвол властей, тяжелый политический режим и до ужаса жестокий социальный порядок, узаконенный "Уложением царя Алексея Михайловича".

Теперь, зная хоть в кратких чертах жизнь разных слоев мирского населения Московии, попробуем взглянуть и на жизнь духовных лиц, главным образом монашествующих, ибо духовенство в ту эпоху представляло из себя в общественной жизни весьма влиятельный фактор.

Надо знать, что обрекающий себя на монашество преследует цель полного отречения от мирской жизни. Русский писатель Карнович, в своем "Исследовании об имуществе и доходах наших монастырей"/изд. 1876 г./ так определяет ее: "Эта цель всем известна: исключительно евангельская, подвижническая жизнь без всяких житейских задач и удовольствий. Последствием этого для монашествующих является — постничество, доводимое до самых крайних пределов, до так называемого умерщвления плоти, девственная жизнь, безвыходная жизнь в монастырях, соединенная с прекращением всех прежних семейных и житейских связей, отказ от всякой личной собственности и права на нее, последствием которого может быть только самая крайняя бедность и даже нищета"/Карнович/.

А русская история знает среди архипастырей-монахов такие имена, как св. Феодосий Печерский, преподобный Ник, преподобный Сергей/Валаамский/, которые своею жизнью показали удивительные примеры точного исполнения взятого на себя обета служения Богу.

Они, своим самоотвержением, праведною жизнью, твердым характером, своею благотворительностью и искренним служением Богу, всегда привлекали к себе умы и сердца людей. Они, такие монахи, не жили на счет мирян, а сами всегда оказывали помощь, принимали больных, врачевали успокаивали и служили им. Жили только трудом рук своих: "Феодосий Печерс-

кий, например, занимался прядением шерсти, св. Никон переплетением книг, а св. Илларион переписыванием книг. Преподобн. Сергей, несмотря на крайнюю бедность обители, на то, что иногда приходилось голодать по 2-3 дня, помогал нищим. Св. Пафнутий всегда трудился в тяжелых работах: рубил и носил дрова, копал землю для огорода, носил воду для поливки растений/Корневич/.

Эти подвижники завещали своим ученикам "снискивать себе пропитание только трудом собственных рук" и только в случае болезни или крайней нужды, позволяли принимать милостыню, но ни в коем случае не обзаводиться имениями и не принимать на себя мирских забот.

Так завещали св. отцы. Но если мы посмотрим на жизнь монастырей времен Алексея Михайловича, то увидим, что многие и очень многие из монахов почти полностью забывали заветы подвижников.

В старых боярских фамилиях огромные участки земли переходили по наследству потомкам: другие, более мелкие, постоянно выпрашивали у царя и им давалось - за службу, или для того, чтобы, как-нибудь, побудить их к усердной службе. Возможность жить беспечно, без труда и особых обязанностей, толкало сановных лиц к захвату все большего и большего количества лаковых кусков земли. В этом беспощадном расхищении земли во главе всех еще до царствования Алексея Михайловича были, как ли это ни странно, монашествующие.

"Высшее духовенство и монастыри захватывали себе земельные угодья, где только могли". Изречение "не тшится о завтрашнем дне" они, как бы, оставляли для других, сами же не пропускали случая и закрепляли земли за собою где только и как только было возможно. И не только прежние цари, не только Грозный Иван, но и Алексей Михайлович, независимый уже от патриарха, ничего не мог сделать с хозяйственной активностью высшего духовенства, особенно монастырей.

По переписи 1678 года тяглых дворов было 888 тысяч. Из них на долю церковных, архиерейских и монастырских приходилось 118 тысяч дворов. Из этих последних... "одна шестая всего церковного крестьянства, почти 20 тысяч дворов, обязательно работала на высшую иерархию, т.е. на монашество, отрешившись от мира, чтобы духовно пруть им, и почти пять шестых/исключая крестьян соборных и приходских церквей/- на монастыри, т.е. монашествующих, отрешившихся от мира, чтобы на его счет молиться о его грехах"/Ключевский. Курс Русской истории, ч. III. стр. 294/.

Примечание: "Совокупность податей, платимых целыми обществами, по общей раскладке, составляло тягло, а люди, подлежащие таким платежам, назывались тягловыми/Ключевский, ч. III. стр. 274/.

Если сложить в каждом тяглом дворе по 4-5 человек, то на 118 тысяч дворов получим число монастырских и архиерейских крестьян около полумиллиона человек. Во главе этого безграничного стяжания стоял при Алексее Михайловиче сам глава церкви, патриарх Никон, доведя количество своих крестьян до небывалой раньше цифры.

Достаточно указать на то, что "во времена войны с Польшей, патриарх Никон выставил на счет патриаршей казны 10 тысяч человек войска, снабженного оружием и лошадьми"/Карнович. 34 ст./. "Адам Климентий, поселившийся в Россию еще в 1553 году, писал, что монастырские имения составляют в ту пору одну треть всего государства".

Проповедуя в народе заповедь Христа - "не тшится о завтрашнем дне", в жизни духовенство первым шло против нее, стараясь всеми мерами обставить и обеспечить свою жизнь так, чтобы уже действительно не беспокоиться о завтрашнем дне, и в царствование Алексея Михайловича высшее духовенство и монастыри были самыми крупными землевладельцами.

Они, к тому-же, в те времена нередко/ой, как нередко!/были веселы

и беззаботны, и порой их украшениям мог позавидовать и сам Соломон. Это стремление к украшениям, желание подходить своею прелестью на полевые цветы, ревностное стремление к тому, что бы действительно, подходить в беззаботности на птиц небесных, нашло свое отражение на Стоглавом соборе в словах Грозного, который говорил: "В монастырях чернецы и попи неции стригутся покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать и по селам ездить и для проклады".

Иоксим Грек резко выражает свое недовольство поведением монахов в следующих словах, "монах часто пьян, весь червлен и бесчинно слонялся и прегордая вещевает". Монахи, по его словам, только и заботятся о том, чтобы украшать себя "пестрими и мягкими шелковыми тканями, золотом же и серебром и бисером добрым". "Чернец тщится богатства ради да получить некие земные славы", а получив эти славы, думает, что — над законом бладеши поставлен есть... гордится беззаконствует, люто гневается, мучит, связует, мзды смлет блудно питается, вся его мудрование злото есть и многое митежное ему попечение како угодити властям".

Опровергая свою жизнь смысл данного ими обета, забывая заветы святых подвижников, многие из монахов, особенно высших рангов, не только стремились приобрести побольше, но умели и отстаивать право собственности от всяких посягательств.

Обладая громадными земельными пространствами, ставши помещиками, монахи после Уложения, сделались и рабовладельцами, так как и на землях крестьяне были прикреплены. Вот как о них говорит другой русский писатель: "Владея, таким образом, крестьянами, как подданными, как рабами своими, монастыри могли очень выгодно через них обрабатывать землю, ловить рыбу, молоть... а также могли иметь необходимую для себя даровую прислугу и чернорабочий люд. Монахи торговали солодом, хмелем, хлебом, лошадьми, рогатым скотом и всем, что могло приносить прибыль".

А историк Соловьев/т. VII/сообщает, что "еще при жизни Ивана Грозного, Астраханский монастырь выхлопотал себе право построить в Астрахани лавку и право иметь судно для перевозки соли и рыбы из Астрахани вверх по Волге и по Оке для продажи там этих товаров беспонлино".

Об отношении же таких, хорошо обеспечивших свою жизнь, духовные лица к меньшим своим "братьям во Христе" мы будем иметь довольно яркое представление, прослушав одного из русских писателей, который, рисуя их нравственный облик в ту эпоху, говорит, что когда к этим поборникам веры православной голодный протянет руку, то "нищих и сирот мразом и гланием тающих и вне врат стоящих и горько плачущих своей скудости ради, прежде обложивши... горькими лайбами, отгоняли, кинувши кусок хлеба гнилого".

"В бесчисленных вотчинах батюшки приберегали зерно на голодные годы, чтобы продавать тогда его подороже, а крестьяне их" томились в житейских потребах, обильно сия им уготовляюще, во скудости и нищете всегда пребивали, ниже ржаного хлеба чисто ядуше, многажды без соли от последняя ни щети". /Почему крестьяне ели даже хлеб без соли о том ниже А.Т./

Сделавшись помещиками, рабовладельцами, купцами, предпринимателями, крупными, финансистами, монастыри завели у себя даже винные заводы, которые были закрыты только в первой половине XVIII века, после повелительных царских приказов. Изготавливающуюся в монастырских имениях водку монахи продавали и охотно потребляли и сами.

Необходимо заметить, что стремление духовных лиц к удобствам мирской жизни доходило иногда до того, что некоторые из них додумывались до таких выходов, как езда летом на санях, думать, что так почетнее.

Такое, едва ли заслуживающее похвалы, поведение как светских, так и духовных лиц на Руси клало известный отпечаток и на весь нравственный

облик русского народа в отрицательном смысле. Нередко можно было видеть пьяных, безбразящих, дерущихся на площадях Москвы попов. Народ их не любил и не уважал. Едва ли у какого другого народа существует столь множество непочтительных анекдотов в адрес священников, как у народа русского! К тому же и Уложение за оскорбление попа налагало только штраф в 5 рублей, сколько же полагалось и за убийство собаки.

Историк Соловьев по этому поводу приводит слова патриарха Никона к царю: "Если и придется кому заплатить за безчестие попа или диакона, то бояться нечего, потому что, по благовому совету бояр твоих, безчестие положено очень тяжкое. Мордвину, Черемису, попу да четвертая собаке — пять рублей! И ныне похвальное слово у небоящихся Бога дворян и боярских людей: бей попа что собаку, лишь бы пень был, да кинь 5 рублей /Соловьев/. т. II. стр. 25/.

/Продолжение следует/ А. Н. Трофимов.

К КАЗАКАМ. Когда пылал огонь сражений и от пожара запаленного при- шельцами, чернели казачьи степи, станицы, хутора, и зов распятых отцов, матерей и юношей утихал под холмиками растоптанных могил, ви, братья, сбитые вождями — предателями с Казачьего Пути, жили тая оскорбление в душе, ориентируясь по звездам в темной ночи, шли по бездорожью, отыскивая путь спасения, путь Казачьей Правды. И тот славный прадедовский путь, умощенный боевым оружием, костями предков и зацементированный казачьей кровью, найден вами под ветхим знаменем Казачьего национального объединения.

Ив. Томаревский

Наш долг — с рожденья до могилы
Стоять за Волю, Честь свою,
Быть тем, чем прежде все мы были
В родном Казачества краю.

Мы все должны идти стезею
Свободы, Права для людей,
Иметь свое, лишь, не чужое
На лоне дедовских степей.

Наш долг — напрячь ума все силы,
По духу быть за свой народ,
Ему быть верным до могилы,
Как целям всех его Свобод.

Чужое иго — зло природы,
Оно нам — цепи и ярмо,
Для нас, казачьего народа,
Лишь рабство вечное оно.

Свобода наша — Казакия
Держава древняя в степи,
А что рабство есть Россия
В былом и нашем во все дни.

Мы, все живущие на свете,
Кто носит имя — Казака,
Перед потомками в ответе
За все свершенные дела.

Наш долг для каждого священный,
Народ свой вывести на путь
Свободы, равенства без терний,
Что есть и жизни самой суть.

Наш долг — напрячь ума все силы,
Избавить Родину, Народ
От ига тяжкого России,
Чтоб вольными быть наперед.

ИЗ РОДНЫХ КАРТИНОК

Раскрасавица девица
Несет завтрак на покос,
Недалеко от станицы
Идет жаркий сенокос.

На ней косыночка белеет,
Завязан бантик на косе,
Ее ленточка алеет,
След ложится по росе.

Там, косой звеня, в лампассах
Косят сено казаки,
В распоясанных рубашках
Косой машут старики.

Девица вышла очень рано,
Чтоб пройти ей холодком,
Несет она блинцы в сметане
Несет и пышки с каймаком.

ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО РАЗБОРА.
/Продолжение с. жур. № 4./

Нам остается проследить еще амфибрахий. Эта стопа в структуре стихотворений казачьих поэтов встречается очень редко и стоило большого труда разыскать ее в одном из стихотворений Николая Келина "Мы".

"За Дикое Поле и честь Атаманов,
... За трепет казачьих знамен, —
Мы груди подставим под копыта Тиранов
И дерзкий напор отобьем!..
Так мчите-же песни казачью слву
На пасмурный Север и Юг,
Гремите по миру про дикую лаву,
Про наши станицы и Круг!!!

Амфибрахий, как было сказано выше, трехсложная стопа с ударением на втором слоге: Мы гордо/е плéмя/ мы вольны/е птицы/

Мы гордо/е плѣмя/ мы вольны/е птицы/
В нас кровь го/рячее/ огня/
За наши/ курганы/ и наши Границы/
Мы вихрем взлетѣм на/ коня/.

В этом стихотворении ударения стопы почти всюду являются и ударениями произношения стиха, а потому проследить на данном отрывке структуру амфибрахия не представляет каждому трудности. Равным образом, рифмующиеся между собой строки имеют одинаковое число слогов/первая и третья, вторая и четвертая/, почему эти стихи являются вообще хорошим образчиком для изучения законов стихосложения.

Необходимо еще добавить, что была попытка ввести в употребление четырехсложную стопу - пэон, с ударением на каком либо одном из четырех слогов, но последние труды по изучению законов стиха это отвергают, как не выдерживающую критики.

Заканчивая статью "Опыт критического разбора", главной целью которой было познакомить интересующегося читателя-казака с основными законами классического стихосложения и способы их применения при разборе поэтических произведений, я прибавлю еще определение ряда терминов, употребляющихся часто в литературе:

С л о в е с н о с т ь — совокупность всех произведений мысли, как прозаических, так и поэтических, если они получили окончательное выражение в словесной форме. Словесность длится на устную и письменную. Вторая иначе называется литературой.

С л о г — манера выражения мысли словом, свойственная тому или другому писателю.

С т и л ь — слог, характерные особенности которого выражены и особенно яркостью.

Л и р и к а — творчество, основанное на эмоциях, вызываемых действиями гармонического ритма.

П о э м а — произведение образного и образно-лирического творчества, преимущественно в стихотворной форме, но иногда и в прозаической, отличающееся более или менее значительным размером/Илиада, Слово о полку Игореве/. При малом размере, этого рода произведения не принято называть поэмами: их называют обыкновенно б а л л а д а м и, иногда песнями.

II

Рифма есть созвучие слогов, соблюденное, обычно, на конце стихов.

Разберем стихотворение:

Завизай, ветерочек, мети,
Мои песни на нитку нанизывай,
На своем быстрокрылом пути
Мои раны скорее зализывай.

Переливом цветистым одеv
Звуки лиры моей монотонные -
Ты в станицу на Дон прилетев
Разбуди там головушки сонные.
Расскажи, как в чужой стороне,
Казаков поредевшая рать
Собирается вновь по весне
За покинутый Дон умирать.
Завивай ветерочек, мети,
Мои слезы на нитку нанизывай -
Не собьюсь я с прямого пути,
Ветерок мой пуховенький, низовый.

Проследим р и т м у д а р е н и й, которым написано данное стихотворение, т.е. проскандируем стихи, не обращая внимания на ударения живой речи:

1. За-ви-вай - ве-те-рё-чек - ме-тй/
2. Мо-и - пё-сни - на-нй-т-ку - на-нй-зы-вай/
3. На - сво-ём - бы-стро-крй-лом - пу-тй/
4. Мо-и - ра-ны - ско-рё-е - за-лй-зы-вай/.

Мы видим, что ударение во всем стихотворении, в каждом его стихе, падает равномерно через два на третий слог. Разрезав стих на части, так чтобы в каждой части заключалось по одному скандуемому ударению:

Завивай/ветерё/ чек метй//

Мои пё/сни на нй/т/ку нанизывай//....

определяем стопу, как анапест. Стихи разложены так, что через два неударные слога приходится ударный. Таких ударных слогов в каждом стихе три, следовательно стихотворение написано по способу трехстопного анапеста. В разбираемом стихотворении ритмуются каждые четыре стиха, каковой способ ритмовки называется куплетом. При чем ритмуются строки первая и третья, вторая и четвертая. Необходимым условием классического стихосложения является одинаковое число слогов в ритмующих между собою стихах и правильное распределение рифм, так, чтобы рифмовали стихи, отвечающие друг другу по числу слогов.

Настоящее стихотворение с технической стороны отвечает всем правилам классического стихосложения. Каждый куплет строго выдержан, как с точки зрения ритма, так и в отношении рифмы. Из всего стихотворения выделяется лишь третий куплет, где дактилическое окончание второй и четвертой строк, имеющиеся во всех остальных куплетах, переходит в мужское.

Расскажи, как в чужой стороне,
Казаков поредевшая рать
Собирается вновь по весне
За покинутый Дон умирать.

Мужскими называются рифмы, в которых ударение падает не последний слог:

метй - путй/ одеv - прилетёv/.

Женские - с ударением на втором от конца слоге: кружит - тужит/.

Дактилические - в которых ударение падает на третий от конца слог:

нанизывай - залйзывай/.

В данном случае замена дактилических рифм мужским, сознательно или бессознательно, произведена для того, чтобы оттенить центральное место стихотворения - обращение к ветру с просьбой рассказать: как на жужой стороне собираются казаки по весне умирать/воевать/за покинутый Дон. Понятно, что дактилическая, певучая, повествовательная рифма была здесь не у места. Стихотворения новейшего времени не подходят вполне под законы классического стихосложения - здесь еще большое поле для опытов пока создадутся определенные догматические правила. Для уяснения разницы приведем здесь одно, являющееся переходом от классики к моде-

рнизму:

Ж

Над Доном страшно и хмуро
Шуршит седая куга,
Глядят застыв понуро
В ночную темь стога.

Ветер срывает клочья Не добрые мысли бродят,
Низко бегущих туч, Не веселая в сердце дрожь -
Осеннее небо мочит Этим людям, что к нам приходят
Суглинок жолтых круч. Меж лопаток всади-бн нож.
Их много, много, много -
Харкает кровью степь...
По всем донским дорогам
Стоит чужая крень.

Под яром коловерт крутит,
Зовет в немую глубь,
А сердце о прошлом тужит
Свершив последний путь.

Иван Колесов.

/Продолжение следует/

ДВЕ ПУТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

В этом мире, две пути жизни, для каждого человека. Первая, вера Божия и вторая, вера бесовская, бесовская это для людей неверующих в добрую и достойную человеческую жизнь, вера бесовская, не имеющая своих добрых дел, и её долг делать всякие развраты среди добрых человеческих дел в этом мире и поистине это называется - бесовская вера.

В нашей жизни религиозного быта и человеческого смирения, дьявол все меры и свои усилия покладает, чтобы разрушить веру в Бога и Иисуса Христа, а с этим смиренную нашу жизнь, вот это нечистая дьявольская вера, нас и заставляет спорить?, не только в своей семейной жизни, но и в общественных и в государственных делах, чтобы в нашей земной жизни царил ни рай, а ад. Несмотря на то, что слово Божие говорит нам о всех наших добрых делах к Богу и к Иисусу Христу и матери Иисуса Христа, но некоторые люди они путаются этой нечистой верой, которую усилено сеет дьявол и этим становится дьявольская и бессовестная наша жизнь, всем нам наглядно, что пойти помолиться в Храм, не стало у нас время, да и нет желания, кроме этого сам народ стал развратный, а именно в нем нет веры к Богу, а рас это так, то нет стыда и человеческой совести, по улицам ходят полуголые, дети в возрасте 10 лет курят, пьют спиртные напитки, мальчик с девочкой публично обнимаются целуются, да и есть такие случаи что в этих годах примерно девочки и рожают детей и этим не имеют ни стыда ни совести, всё это творит, конечно не Бог, а дьявол, но если из нас будут подражать этим дьявольским симпатиям, то Бог будет вынужден послать навсех нас мировую гибель, от этого краха Бог оставит столько людей, с колько оставил от Ноева потопа, а погибать из нас ни кто не желает да ещё притаккой страшной смерти. В Евангелие сказано: "Кто будет веровать и креститься, спасен будет". Следовательно, Господь Иисус Христос дал нам этот свой совет, на основании всех человеческих добрых дел, а поэтому мы не должны идти по погибельному пути, а должны идти все как один, за спасение своего и всего живущего на земле.

Кто из нас боится правды? тот кого антихрист научает против Божей правды.

Чтобы руководит поведением, каких либо добрых дел, необходимо выработать добрые нормы поведения.

Редакция.

ПОЛЕЗНЫЙ СОВЕТ.

Иногда в людей на коже появляются прыщи, сперва маленькие прыщики, потом разрастаются больше, дальше начинают гноиться, а иногда и чесаться.

Причин появления этих прыщей много. Хотя эти прыщи особого вреда не причиняют, но человеку не приятно, что его тело разукрашено прыщами.

Лечение. Взять в аптеке пачку/один фунт/эпсом солт, $\frac{1}{2}$ пачки высыпать у ванну и пустить горячей/терпимой для вас/ $\frac{1}{2}$ воды, столько чтобы ваше тело покрылось водой, и полежать в этом растворе с $\frac{1}{2}$ часа. Таких приемов сделать 3-4 и прыщи исчезнут. $\frac{1}{2}$

Австралия

Юрский.

ОБ НЕКОТОРОМ.

СОВЕТ ПЕДАГОГА

Часто в общественных местах вам делается стыдно за ваших детей, если они не умеют по здороваться, обратиться с просьбой и т.п. Недостаточно раз-другой дома поучить их этому: приходится провести не мало упражнений не только дома, но и на улице, в театре, в гостях. Нужно часто напоминать, как следует поступать в тех или иных случаях. Если в семье дети обращаются к старшим на/ты/, то этого нельзя допускать в обращении с чужими. Научите детей дома поздороваться, как следует поблагодарить... Показали ли вы детям, как нужно подать стакан воды, как угостить яблоками, конфетами? Если вы были с детьми на людях, не забудьте после этого иногда заметить: /Ты вежливо попрощался/или/Ты отвернулся, когда здоровался/... Вы посылаете ребенка по делу к соседу. Если вы не уверены, что ребенок будет вести себя вежливо, предупредите его, чтобы он не забыл постучаться, поздороваться и лишь затем говорил бы о деле.

УМЕЕМ ЛИ МЫ БЫТЬ ЗДОРОВЫМИ?

Есть одно чудное лекарство, которое ничего не стоит и всегда находится при нас. Это - умение замечать те небольшие радости, которые всегда есть у каждого человека, и стараться останавливать внимание на них, а не на мелких и крупных неприятностях жизни. Часто мы идем по улице и забываем любоваться солнечным светом, зеленью деревьев. И, по старой привычке, /переживаем/ в себе разные настоящие и - что еще хуже - прошлые неприятности. Между тем, в нас заложено драгоценное лекарство, и им надо уметь пользоваться. Это лекарство - радость. Будем уметь замечать ее всюду - и научимся создавать ее. Многочисленные врачи склоняются теперь к мысли, что многие болезни у людей часто развиваются на почве слишком большого самоуглубления и /переживания/ прошлых несчастий и неприятностей, а также и оттого, что человек дает волю ненужному волнению, злости, страху и упадку духа. Известно нам и то, как действует радость. Она творит чудеса. Опасно больные люди иногда выздоравливали от радостного потрясения. Надо уметь верить в возможность радости: она есть, всюду и всегда, но надо уметь найти ее и верить в нее. Американские врачи придерживаются мнения, что даже ревматические боли обостряются быстрее у людей, склонных к печали: мы, часто говорим: /у меня сжалось сердце от страха/:или:/от горя сердце сжимается/. И это правда. Состояние моральной депрессии в 50% заболеваний дает отличную почву для развития болезней.

В спорах забывается истина. Прекращает спор тот, кто умнее.

Богатство привлекает друзей, а нищета их испытывает.

О КАЗАКАХ.

В украинском журнале "Козацький Клич" инженер Юрий Лисовый написал статью "Про Кабанів".

В этой статье говорится, что украинские предки были кабаны, п. инженер утверждает, что они и сейчас есть, так как его один кабан недавно в Англии/лыгнув ногой. В этом возражать мы не смеем, так как каждый человек лучше других знает своих предков. Но поскольку в этой статье часто переплетается слово "казаки", то мы казаки категорически протестуем, что казаки к этой рассе/кабанячей/не принадлежат. Казаки от казаков ведутся.

Дальше уп. инженера есть грубо безграмотное выражение, пишет: "дІнськІ козаки", а почему не "донськІ козаки". Допустим, что по украински не "дон" а "дІн", то по украински не "стол" а "стІл", а все же говорят украинцы "столовий нІж", а не "стІловий нІж".

Инженер Лисовый в своей статье поставил профессора В. Чапленка в такое положение, что профессор абсолютно безграмотный человек. И бы сказал наоборот. Из коротких цитат видно, что проф. В. Чапленко знает историю Украины и Казачества из разных удостоверенных источников, а п. инженер знает историю как Украины так и Козачества которая вышла в свет в Германии в таборах, а поэтому для п. инженера Украина и Казакия это одно. "От Сяна по Кавказ". Очевидно так говорится в таборовой истории.

Сильно атакует п. инженер п. профессора словом "черкесы". Не удивительно, что для таборовых титулов и писак черкесы и черкасы одно и то же. Далеко не так. Слово "черкасы" связано с казаками. Казаков называли главным образом соседи, бродниками, черными клобуками и черкасами. В честь последнего был построен город Черкасск, а позже и Новочеркасск, а люди все же остались казаками. Так же называли и украинцев, русы, малороссы и хохлы, а они остались украинцами.

Вот передо мной лежит другой украинский журнал "Легіонер", за январь 1972 год. Под заголовком "Козак" написана такая чепуха которая ни в какие ворота не проходит. Цитирую: Слово козак з турецького походження, що означає "вільна людина". В другій половині 15-го століття, коли був посилення утиск і закріпачення селян, виникло козацтво". Подписи нет, очевидно эта статья редакции. Это писал бедный слепец который дальше своего носа ничего не видит, а пользовался тоже таборовой историей которая штамповалась в сороковых годах в Германии.

Читатель, только подумай, до какой подлости доходят люди и показывают свое тупо умие, что пишут, казачество возникло в 15-м столетии.

В 15-м столетии не казачество возникло, а только Запорожские казаки. Основоположниками Запорожского войска было из пришлых элементов которым не нравились порядки расслоения на богатых и бедных, на шляхту и простых. Вот эти-то казаки вольные духом и образовали за Днепроскими порогами Запорожскую Сечь в которую и принимали свободолюбивых людей.

Поляк Броневский в своей лживой теории доказывает, что Казаки образовались из беглых крепостных и преступников. Этим он очень угодил Москве, как видно это понравилось и украинцам.

А теперь мы скажем свое справедливое слово, исторически обоснованно. Казачество на много и много старше Киевской Руси, а о России и говорить нечего. Об этом говорят следующие исторические факты:

Слово "казак" непрерываемо свидетельствует выписка из древней летописи в Москве в часовне на Лубянке, касающаяся иконы Божей Матери, каковая выписка гласит: "Там, на верховьях Дона, народ христианский воинского чина живущий, зовомый козацы, в радости стретающа его/Великого князя Дмитрия Донского/со святыми иконами и со кресты поздрав-

ляюща его"...

В истории известно, что Донские Казаки участвовали в Куликовской битве в 1380 году, а позже покорили Казань и Астрахань Ивану Грозному.

Уже эти факты говорят, что это был не сброд крепостных и преступных беженцев. Да откуда могли появиться в это время крепостные, когда крепостное право появилось при Борисе Годунове в конце 16-го столетия в 1594 году, а это была уже организованная сила.

В книге чехословацкого писателя доктора Прикрила "Памятники Святых Апостолов Кирилла и Мефодия", говорится: Император Михаил послал Святых Апостолов братьев Кирилла и Мефодия, к Донским казакам/для христианской проповеди/. Но они нашли, что этот народ уже был глубоко христианским.

Это свидетельство относится к 9 веку. К этому же, факт, исторически установленный и доказанный, что население славяно-казацье, обитавшее по течению реки Дона и на побережье и Азовского моря приняло христианство раньше Киевской Руси на 100 с лишним лет.

Профессор Тауберт говорит, что Казаки почитались за храбрый и сильный народ. По свидетельству Константина Порфирогенета/византийский император/они были уже в 948 году, а посему Казаков можно почитать за древний народ.

А теперь посмотрим, что говорит украинская летопись о казаках. Как выше было сказано, что черные клубки это казаки. С.Скляренко пишет: Гридень/княжеский охранник/думав про те, що прийшов він на Гору/Гора древня часть Киева/, ще за князя Ігоря. Служив у його дружині, ходив з князем на деревлян, бився з ордами, чорними клубуками і т.д./том 4, стр.78/. Отсюда видно, что Киевская Русь воевала с Казаками.

Во всех этих журналах часто говорится о разных казачьих подвигах, где все время повторяется "українські козаки" или "наші козаки".

А теперь скажем как украинцы помогали запорожцам. Когда войско генерала Теккели по приказу Екатерины 2-й, рубили и уничтожали Запорожцев, то украинцы не поддерживали Запорожцев - "своих казаков", а предавали их, а когда часть недобитых Запорожцев переселилась на Кубань, то украинцы набрались смелости трактовать Кубань, как часть "соборной Украины", аппетит гитлеровский. А так же можно сказать за последнюю Бугскую Сич, которую ликвидировали уланские полки, которые состояли исключительно из украинцев. Делить Казачество невозможно так как для 12 Казачьих Войск есть одна мать К А З А К И Я. И раньше Казаки шли в походы не разделяясь между собой. Возьмем только крупные походы. С поляками воевали Запорожцы и Донцы, Степан Разин шел на Москву с Донцами и Запорожцами, брали Азов Донцы и Запорожцы. Одним словом 12 Казачьих Войск это есть единое Казачье целое и неделимое, которое населяет около 14 миллионов человек. Некоторые украинские писатели говорят, что на Кубани все украинцы.

Проанализируем Кубань. Прежде всего надо сказать, что добрая половина Кубани населена Линейскими Казаками, которых Екатерина 2-я переселила из Дону и говорят они на русском языке. Другая половина Кубани населена Казаками которые называются Черноморцы. Вот их и считают украинцы за природных украинцев, но и это не совсем верно. Проанализируем и Черноморцев по их фамилиям. Павленко, Шевченко, Марченко, Дорошенко и т.д. это выходцы с Украины. Бурба, Магала, Соянок, Сапсай, Регинский, Карабаза, Кучум, Мамай, Гасан и т.д. Эти фамилии не украинские и не русские, а их на Черноморье порядочно. Это те люди которые искали настоящей свободы и бежали от разных народностей к Запорожцам и Донцам и их принимали. А вообще всё казачество себя считает только КАЗАКАМИ, страны КАЗАКИИ которая была и будет! Австралия Казак Юрский.

НИКРОЛОГ

17 августа 1972 года
скоропостижно сконч-
ался К А З А К В.В.
Донского

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ПОЛЕВОДА.

Покойник был хорошим казаком,
был Атаманом станицы имен.
полк.И.Ф.Фролова.

Похоронен на православном
кладбище Руквуд.

Пусть будет ему пухом Австайская земля. Юрский.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция журнала "КАЗАЧЬЯ НАДЕЖДА" обращается ко всем со своей
просьбой, к сотрудникам и к подписчикам "К.Н." не опаздывать с присыл-
кой материалов, а также с оплатой за журнал.

Помните, станичники-цы и наши друзья, что журнал "К.Н." издается
чисто на трудовые копейки, этот журнал никаких субсидий не имеет.
Каждый из нас беден, но нет на свете никого, кто был бы богаче объе-
диненного своего народа. А поэтому мы на свою "надежду" должны надея-
ться, и этой "надежде" по возможности помогать, а каждая скромная помощь
даст возможность издавать его регулярно.

За статьи, помещенные в журнале за подписью автора, Редакция не
отвечает.

Личная полемика по Казачьим вопросам чисто политического харак-
тера возможна, но перебранка на личной почве, печататься не будет.

Желающие помещать в журнале "К.Н." личные объявления и рекламы,
допускается, каждый инч ширины один доллар, без рисунков.

П О С Т У П И Л О, за журналы "КАЗАЧЬЯ НАДЕЖДА" 24 доллар.
Редакция журнала "К.Н." благодарит всех жертвователей и подписчиков
на журнал.

На складе издательства "КАЗАЧЬЯ НАДЕЖДА", имеются для продажи книги.

- 1/ Вера Ленизова: "КАЗАЧЬЯ ПОЭЗИЯ". Цена 3 доллара.
- 2/ А.К. Ленизов: "ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ СЛОВАРЬ-ЛЕКСИКОН". Цена 6 дол. 50 цент.
- 3/ Ф.Ф. Сметанин: "НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ". Имеющих вней 9771,
цена 3 долара 50 центов.
- 4/ Ф.Ф. Сметанин: "СТИХИ", стихов вней 70, цена 2 доллара.
- 5/ Ф.Ф. Сметанин: "СТИХИ", второй выпуск, стихов вней 95, цена 2 доллара.

Редакция.

НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ.

Если кто отправляется в дорогу и пойдет дождь, благополучный путь.

Дождь с пузырями, означает на долгое время дождливую погоду.
Высокий год, тяжелым годом. Если вы по ошибке зайдете в гробовую
лавку, означает смерть друга. Двери никогда не скрипели и заскрепать,
неприятность в доме. На голодный желудок, находные деньги не подымай.

ФЕДЬКА ГУСКА ПРО НОВІ МЕТОДИ.

Оця зустріч з Гускою відбувся в а от дай нові методи, тоді побачиш, надзвичайному місці, а саме на п'єд'єцько зробит. Тільки, щоб дійсно ме-чІ. Ніхто на селі не знав, де фєдько. тоді. Щоб так раз-раз і в дамках. Не-Тоді я пішов до його хати. так, як по-добровільницькому. Оголо-сидіти. Вона вилаялась і нехотя сили-бери роботу, яку хочеш. Добре, ахитнула на п'єч. як я, наприклад, ніякої роботи не хо-чу. Так ні! На бюро звольте... От ти вилежуватися, барбос, щоб йому боки Мені скажи, що це за добровільництвоблежало! Я за такі методи: от, приміром, я п'ю, а ти до мене так підійди з новою ме-тодою, щоб я враз пити покинув. Ото я Розумію, метода. Або ось конкретно: лежу я на печі, мені, ні вставати, ні робити не хочеться. А ти ось візьми нову методу, підійди з нею до мене так щоб мені встати й робити захоті-ся. фєдько Гуска солодко позіхнувладу-я не бюрократ.-За хвилину я і сонно додав. -А так звичайно, не подумавши, можна сидіти біля Гуски. Він лежав, як зав-сказати, "мертва душа" фєдько. Гуска жди, спокійно на гарячій черені, роз-знову смачно чвиркнув через комен. куйовджений і заспаний. -Та куди ж ти плюєш, помийнице! тобі чоґ, фєдьку, лежиш?! -мало!-скрикнула десь іздолу мати. фєдько несподівано моторно підвівся з місця і стурбовано гукнув: -Хіба не в помийницю попав? -А потім, глянувши додолу, спокійно повернувся на своє місце й не-задоволено промимрив. -Чого ж ви склоку затіваєте? Пере-сунули помийницю на інше місце та ще й лаються. Попереджайте, як пересовуєте. Я почав прощатися Гуска, чухаючи праю ногою литку лівої, байдуже запитав: - Ідеш уже? -Іду. -Ну й котись. Юрій Вухналь. -Тоді до нашого двору і близько ніхто не підступить. Читаючи якусь книжку, зять глянув у вікно і углядів тецу. Щось муркнув потихеньку і читає далі. Заходе бабуса в хату. -Добрий день! -Добрий день, відповідають її. Раптом онучок питає бабусю: -Бабусю, ви прийшли, чи вас хто при-ніс? -Хто ж мене таку стару принесе? -А тато казав: О, уже бабу чорти нес-уть.

НАРОДНЫЕ ЖЕМЧУЖИНЫ.

ЛЮБОВЬ.

Где мы с миленьким встречались,
Там зелёная трава,
Где навеки расставались,
Там посохли деревья.
Что ты, мельница, не мелешь,
Аль середний камень стал?
Что ты, милый мой, не едешь
Аль другую подыскал?
Забивались мои кудри
От весны до осени,
Как почуяли разлуку,
Завиваться бросили.
Не ходи мимо окошка,
Не ходи и не свищи,
Если я не черноброва,
Чернобровую ищи.
Милые воробушки,
Летите выше нёбушки,
Скажите милому моему,
Что низко кланяюсь ему.
Меня милый провожал,
Подолой гармонь держал,
До крылечка проводил,
Заиграл, пошел один.
Я не по полу хожу,
Я по вострому ножу:
Не с таким расставалась,
И тобой не дорожу.
Милый пишет письмецо:
-Милка, носишь ли кльцо?
Я в ответ ему пишу:
-Распаялось, не ношу.
Надоело мне, подружки,
На дорожку выбегать,-
Ветер веточку колышет,
Мне милого не видать.
Не носите голубого,
Голубое выгорит:
Не любите издалёка,
Все сердечко виболит.
Дожидался я вечера,
И вечер подошел,
Завивала русы волосы,
Но милый не пришел.
Я думала, не заплачу
При разлуке никогда:
Побежали мои слезы,
Как по зеркалу вода.
Отбивай, подруга, друга,
Все равно не дам владеть,
На твои колени сядет,
На меня будет глядеть.

ГРУСТЬ.

Стоит белая береза,
Всем ветрам покорная.
Не бивает мое сердце
Никогда спокойное.
Ты сирень, сиренюшка,
Завяла безо времюшка.
Уезжаю мальчик я
В чужедальние края.
Не кукуй, кукушка, здесь
На осине проклятой,
Сядь на белую березку,
Прокукуй над сиротой.
Я пою не оттого, что
Хорошо и весело,
А пою я оттого, что
С горем делать нечего.
Я от горя-в чисто поле,
Горе катится за мной,
Я от горя-в темный лес,
Оглянулася-горе здесь.
Матушка родимая,
Свеча неугасимая:
Горела, да растаяла,
Жалела, да оставила.
Дайте ножик повострее,
Тошно сердцу моему:
Моя молодость проходит
В сером каменном доме.
Из колодца вода льется,
Хлещет волноватая.
Муж напьется, подерется,
А я виноватая.
Вышивала я платочек,
Слеза капнула на грудь,
А теперь моим платочком
Сапоги, калоши трут.
Много горя накопила,
Горя некуда девать:
Пойду лягу на могилу,
Разбужу родную мать.
На чужой сторонushке -
Рад своей воронushке,
Все вздыхаешь, дни считаешь,
От тоски, как свечка таеть.
Будет утро, будет вечер,
Будет день и будет ночь.
Уезжает мил далече,
Плачем сердцу не помочь.
Целый день с бабьим воркуем
На несчастье, на беду.
Я найду жену другую,
Мать другую не найду.

/Продолжение следует/

СТИХИ

Ф. Ф. СМЕТАНИН

СИДНЕЙ 1971